

Ю.Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: berezkin1@gmail.com

Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии

Для реконструкции последовательности появления представлений о мире и человеке проанализировано ареальное распределение мотивов, выделенных из традиционных нарративов (примерно 25 тыс. текстов). Статистическая обработка позволила выявить комплексы мотивов, соответствующие путям древнейших миграций. Оценки базируются на результатах сопоставления комплексов одинаковых мотивов в Старом и Новом Свете. Используемая методика открыла возможность впервые проследить эпохальную динамику развития мифологии на основе анализа данных. Наиболее древний комплекс, отражающий южный путь расселения человека из Африки, связан с объяснением происхождения смерти. Мотивы этой группы хорошо представлены в Африке к югу от Сахары, в Южной Евразии, Океании и Америке (особенно в Южной), но редки на севере Евразии, в Американской Арктике и Субарктике. Мотивы, относящиеся к теме появления человека, его анатомии, отношений полов, характерны для циркумтихоокеанского мира. Эта тема стала развиваться у вышедших из Африки популяций после освоения Юго-Восточной Азии, но до начала заселения Нового Света. С учетом географии распространения мотивов, посвященных космогонии и этиологии природных явлений, можно предположить, что некоторые из них возникли на юге Евразии, были принесены в Сибирь и уже оттуда проникли в Америку. Представления, которые являлись основой интерпретации небесных объектов, развились позже всего. Эти мотивы обильны только в Северной Евразии, откуда многие были принесены в Северную, но не в Южную Америку.

Ключевые слова: эволюция представлений о мире, мифологические мотивы, древние миграции, выход из Африки, заселение Америки.

Y.E. Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: berezkin1@gmail.com

Manifestation of Worldviews in Traditional Narratives: Reconstruction of Global Tendencies in the Spread and the Chronology of Emergence of Mythological Motifs

Data on the areal distribution of motifs extracted from ca 25,000 traditional narratives were computed with the purpose of revealing a chronology of the emergence of particular mythological themes. The statistical processing of this material allowed selection of sets of motifs that probably correspond to the routes of major prehistoric migrations known thanks to archaeology and population genetics. Our conclusions are largely based on the comparison of similar sets of motifs in the Old and New Worlds, the time of the peopling of America and its particular episodes being more or less known (initial peopling by Pacific and then by continental Siberian groups). Thanks to the methods applied, the epochal dynamics of the development of mythology were for the first time reconstructed by using systematized data, and not by proceeding from general assumptions. The earliest complex, which is related to the explanation of the mortal nature of man and the loss of the easy life, corresponds to the southern route by which humans of the modern type moved from Africa to the Indo-Pacific borderlands of Asia. These motifs are abundant in sub-Saharan Africa, the

southern part of Eurasia, Oceania and America (especially South America), but rare in northern Eurasia and the American Arctic and Subarctic. Motifs relating to the origin of man, human anatomy, and relations between the sexes are most typical of the Circum-Pacific world. This theme probably first developed in Southeast Asia among the people who came from Africa, but before the time when their earliest groups reached America. The geographic distribution of motifs relating to cosmogony and cosmology, and to the etiology of natural phenomena, plants, and animals suggests that many of the corresponding motifs initially appeared in southern Eurasia, were then brought to Siberia, and from there brought to the New World (this movement could be explained by the gradual northward displacement of population after the Late Glacial Maximum). The ideas relating to the interpretation of celestial objects were the last to develop. Corresponding motifs are only abundant in Northern Eurasia, from where many of them were brought to North America but not to South America. Interpretations of celestial objects in European cosmonymy mostly date to the Bronze Age, if not to Iron Age technology, while some are related to the spread of world religions.

Keywords: Traditional worldviews, mythological motifs, prehistoric migrations, out-of-Africa, America's peopling.

Аналитический каталог фольклора и мифологии мира: устройство и цели создания

Благодаря успехам археологии и популяционной генетики наши знания о далеком прошлом стали много детальнее, чем четверть века назад. Однако существуют проблемы, которые эти дисциплины не могут решить. Одной из них является оценка времени распространения определенных тем, сюжетов и образов фольклора и мифологии. Суждения по этому поводу, высказывавшиеся в последние 200 лет, зависели от общих представлений исследователей о развитии человечества и не имели под собой конкретной доказательной базы. Изучение эпохальной стратиграфии представлений о мире и фольклорных сюжетов было одной из главных целей создания нами электронного каталога фольклора и мифологии мира.

В настоящее время каталог содержит более 50 тыс. резюме текстов (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>, обновление в конце каждого года). В цифровом виде эти данные обобщены в корреляционной таблице, включавшей на конец марта 2018 г. сведения о распространении 2 440 мотивов по 944 традициям. Статистическая обработка столь массового материала позволила выявить такие тенденции в фольклоре и мифологии мира, которые иным способом заметить и тем более проанализировать вряд ли возможно.

Основной аналитической единицей нашего каталога служит мотив. Мотивы делятся на две главные категории. Категория А включает эпизоды повествований, которые имеют отношение к космологии и этиологии, и образы, которые связаны с представлениями о мире (например: радуга как змея, Большая Медведица – семеро братьев, на луне виден кролик, и т.п.). Мотивы категории Б – это эпизоды повествований о приключениях и проделках. Некоторые из данных мотивов соответствуют сюжетам фольклорных указателей, созданных по системе ATU (Aarne–Thompson–Uther [Uther, 2004]), или их отдельным вариантам или фрагментам. Другие, особенно распространенные за пределами Европы, в имеющихся указателях аналогий не находят. В представленной работе будут учитываться только

мотивы категории А. Сильно упрощая картину, мы можем назвать их собственно мифологическими, а мотивы категории Б – «сказочными».

Раздельная статистическая обработка мотивов категорий А и Б выявила их разное ареальное распределение в Старом Свете*. Мотивы категории Б в основном отражают относительно недавние (последние тысячи лет) межэтнические контакты в обществах

*Эта обработка происходит следующим образом. В цифровом виде наша база данных является бинарной (состоящей из нулей и единиц) таблицей, в которой строки соответствуют этносам (традициям), а столбцы – мотивам. Таким образом, каждая традиция характеризуется набором из нулей и единиц, по которым различными способами можно определить степень сходства традиций друг с другом. Один из таких способов основан на принципах факторного анализа: признаки (в нашем случае – мотивы) представляются в виде сумм небольшого числа неких скрытых переменных (факторов). В результате обработки данных таблицы конкретной традиции соответствуют значения всего лишь нескольких факторов, т.е. происходит сокращение числа переменных. Один из вариантов факторного анализа использует в качестве факторов главные компоненты (ГК), которые формально следуют из другой задачи – найти линейную комбинацию признаков, для которой дисперсия максимальна. Количество таких максимумов совпадает с размерностью задачи. Наибольший из максимумов соответствует 1-й ГК, второй максимум – 2-й ГК и т.д. В нашем случае первые три-четыре компоненты обычно берут на себя ок. 20 % изменчивости данных. Этого достаточно, чтобы дифференцировать всю совокупность традиций по совокупности огромного числа мотивов. Остальные 80 % информации касаются множества разнородных тенденций, действующих на локальном уровне и актуальных лишь для небольшого числа традиций. В каждой ГК есть два полюса, противопоставляющих группы традиций, которые наиболее отличны друг от друга. Но если в материале прослеживается одна мощная тенденция, с которой остальные по значимости не сопоставимы, 1-я ГК выявляет по сути дела лишь один полюс, который представлен традициями с высокими абсолютными значениями индексов. Абсолютные значения традиций противоположного полюса невелики. Иногда (хотя и не обязательно) соответствующие традиции объединяются лишь благодаря отсутствию в них мотивов, характерных для противоположного полюса.

с высокой демографической плотностью, сложной социальной организацией и развитыми средствами коммуникации [Березкин, 2015; Berezkin, 2015a]. Мотивы категории А тоже могут преодолевать этноязыковые границы, но происходит это гораздо медленнее. Проникновение этих мотивов на новые территории происходит не столько в результате обмена информацией между людьми, сколько переселений самих носителей традиций. Для территорий Нового Света, Океании и Австралии с их более низкой демографической плотностью и менее сложной социоэкономической организацией, по сравнению с другими регионами, различия в распространении мотивов между двумя категориями не столь существенны.

Мировое распределение мифологических мотивов по темам

Накопление материала позволило перейти к новому этапу исследования – раздельной обработке отдельных тематических групп мотивов, входящих в категорию А. Из этой совокупности были выделены четыре группы, которые вместе характеризуют основное ядро мировой мифологии. Первую группу составляют мотивы, объясняющие и описывающие смертную природу людей, утрату легкой жизни и первоначального изобилия, вторую – происхождение человека и общества, особенности анатомии и социальной организации, отношения между полами, третью – происхождение мира в целом, стихий и природных явлений, растений и животных, четвертую – небесные объекты, т.е. солнце и луну, лунные пятна, звезды и созвездия. Мотивы четвертой группы представляют собой раздел третьей, но поскольку они многочисленны и легко выделяются среди прочих, мы обработали их отдельно.

Различия в ареальном распределении мотивов данных категорий оказались значительными. Открывшиеся закономерности позволяют не только выявить региональные различия между мифологиями, но и наметить эпохальную последовательность появления мифопоэтических представлений.

Начнем с мотива происхождения смерти. Это узкая тема, поэтому общее число учтенных в каталоге мотивов данной группы невелико – 33. Соответственно на картах, отражающих результаты статистического анализа, много лакун: традиции, в которых зафиксированы один-два мотива, имеют близкие к нулю значения ГК и на картах-схемах не показаны. Доли изменчивости, отражающие даже основные тенденции в распределении мотивов, также малы. Тем не менее полученная картина не хаотична, но свидетельствует о концентрации указанных мотивов на одних территориях и об их редкости на других (рис. 1, 2). Особенно важно, что «смертные» мотивы широко распростра-

нены в тропической Африке, где мотивы остальных тематических групп, относящихся к категории А, почти не представлены. Другая значимая особенность распределения состоит в том, что отдельные наборы «смертных» мотивов характерны для Северной и Южной Америки, Меланезии, Африки (к югу от Сахары), Центральной Азии, но не для Западной Европы, севера Сибири и севера Северной Америки. В этих районах тема происхождения смерти и трудной жизни представлена слабее, чем на других территориях*.

Обращают на себя внимание центрально-азиатские параллели «смертным» мотивам в Западной Африке (рис. 2). Это один из многих примеров недавнего проникновения в данный регион средиземноморского фольклора – вероятно, через арабов (см.: [Березкин, 2013, с. 57–71; Berezkin, Duvakin, 2016]).

Тема происхождения человека, отношений полов и т.п. в мировом масштабе представлена гораздо большим числом мотивов – 207. Однако в Центральной и Южной Африке подобных мотивов меньше, чем объясняющих происхождение смерти. Мотивы данной тематической группы более всего характерны для индо-тихоокеанской окраины Азии (неарийская Индия, Тайвань, Филиппины, северо-восток Сибири) и особенно для Меланезии и Америки (рис. 3). Многие меланезийские и американские повествования на указанную тему очень похожи [Березкин, 2002; Васильев и др., 2015, с. 355, 362–369]. Что касается Северной Африки и юго-западной части Евразии, то мотивы данной категории здесь имеются, однако в меньшем количестве, чем в Америке или Меланезии, а набор их менее разнообразен. Часть «сексуальных» мотивов в Африке и Евразии характерна не для мифологической прозы, а для волшебной сказки. Такие мотивы распространялись, скорее всего, не в глубокой древности, а недавно вместе со сказочным фольклором.

Мотивы, связанные с сюжетами о происхождении окружающего мира и его элементов, в нашей выборке наиболее многочисленны – 478 (рис. 4). Они слабо представлены в Африке, в частности, на этом континенте почти нет мотивов, объясняющих появление разных видов растений. Мотивы третьей группы

*Отметим, что речь идет о разнообразии мотивов, а не о значении основанных на них мифов в конкретных культурах. Например, число записей мифов о происхождении смерти у койсанских народов Южной Африки вполне сопоставимо с числом таковых у банту Восточной Африки. Однако у койсанов это практически единственный сюжет («ложная весть» с участием луны и зайчихи), тогда как у бантуязычных народов есть много различных мифов о происхождении смерти. Отмеченное для Южной Африки отчасти касается и Австралии, для которой характерен недостаток данных, поэтому на наших картах этот континент плохо представлен.

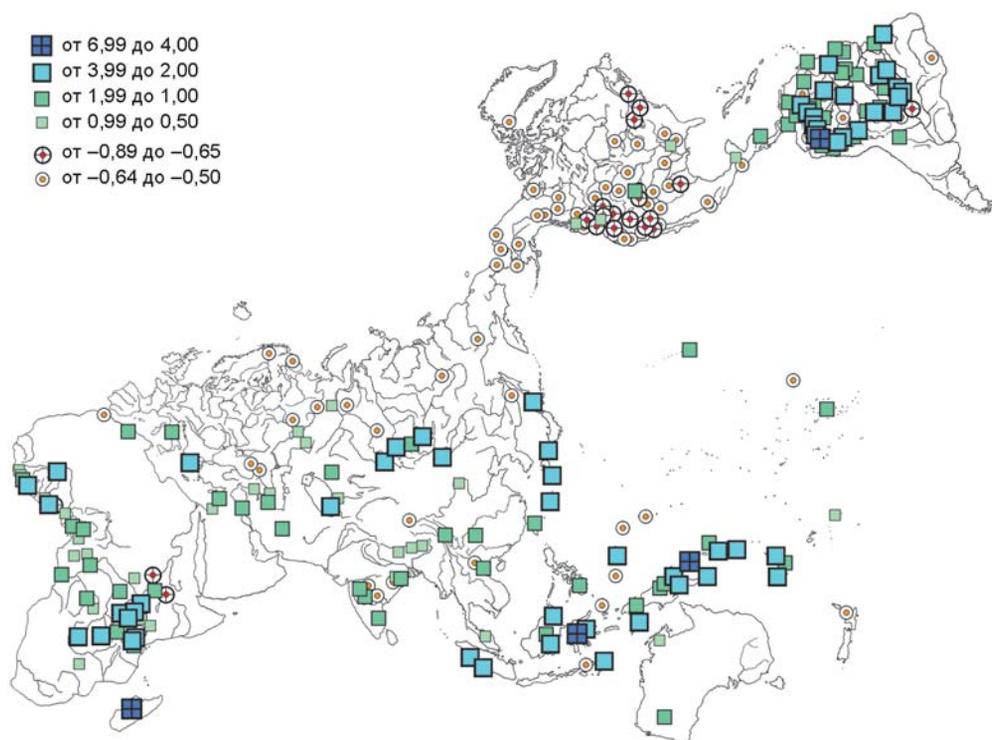


Рис. 1. Распределение 33 мотивов, объясняющих смертную природу людей, по 517 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 2,57 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до -0,49) не показаны.

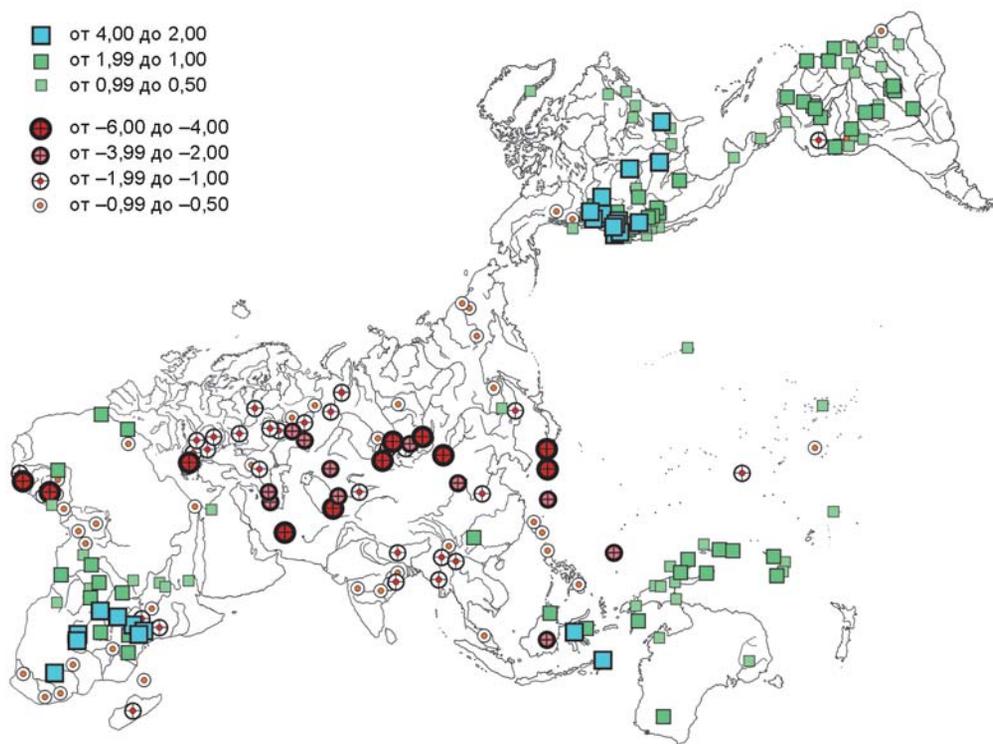


Рис. 2. Распределение 33 мотивов, объясняющих смертную природу людей, по 517 традициям. 2-я ГК. Доля дисперсии 2,21 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до -0,49) не показаны.

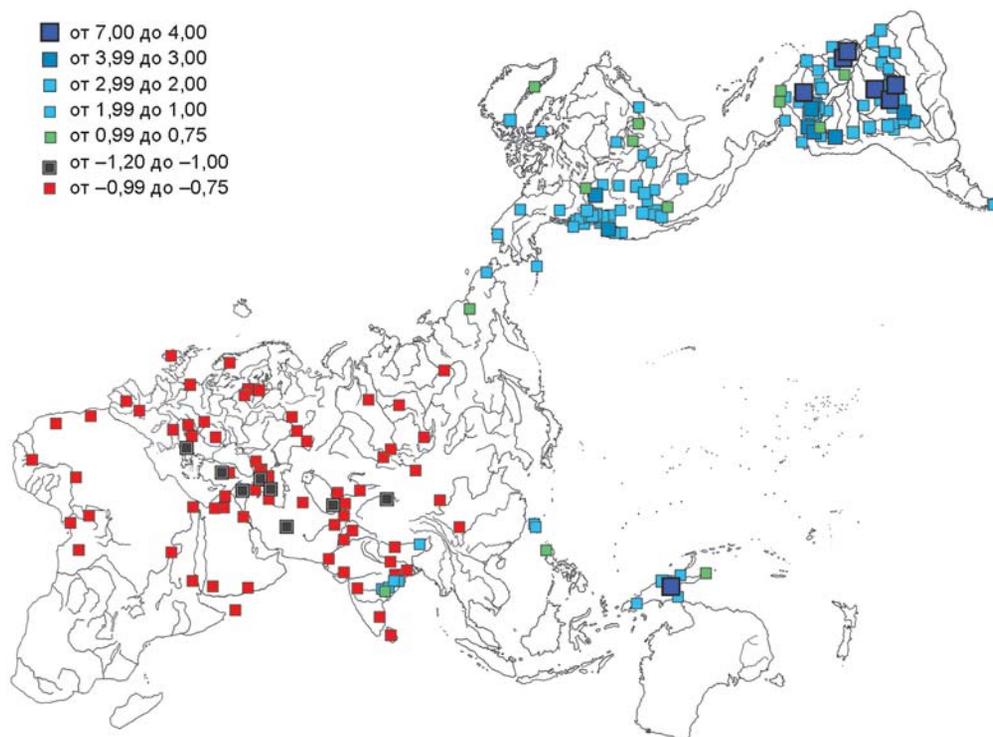


Рис. 3. Распределение 207 мотивов, отражающих представления о происхождении человека и общества, человеческой анатомии и отношениях полов, по 815 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 9,16 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,99 до −0,74) не показаны.

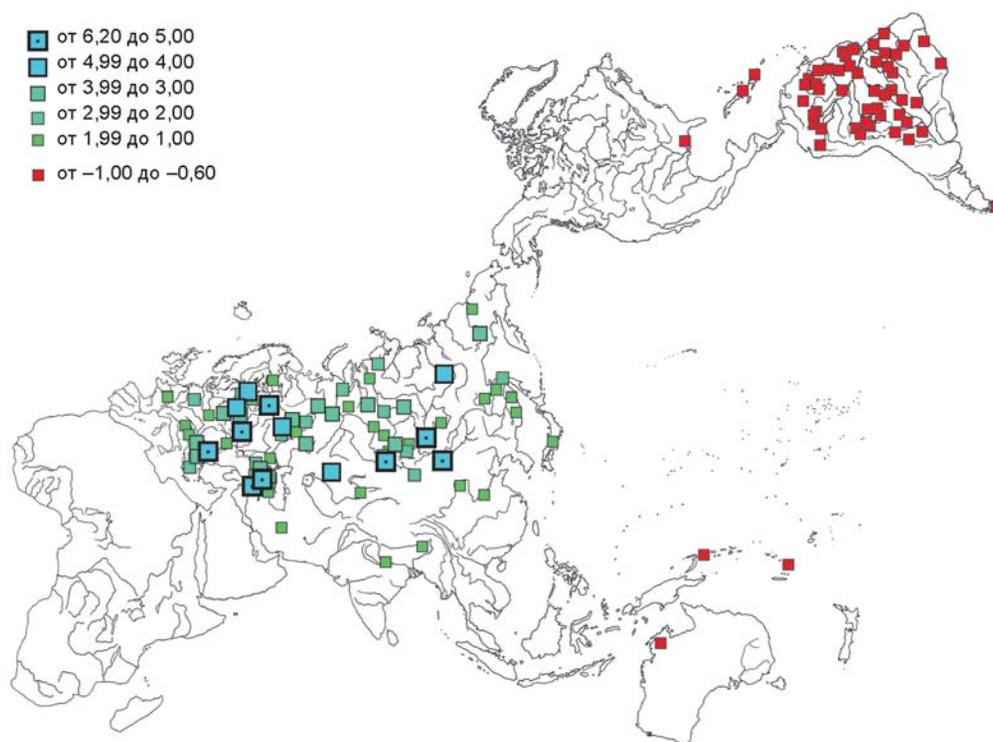


Рис. 4. Распределение 478 мотивов, связанных с представлениями о происхождении окружающего мира и его элементов, по 881 традиции. 1-я ГК. Доля дисперсии 5,28 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,99 до −0,59) не показаны.

наиболее разнообразны в континентальной Евразии и в несколько меньшей степени – Америке. Правда, на карте распределения мотивов Северная Америка почти пуста (рис. 4). Это объясняется не малочисленностью мифов о появлении земли, животных или растений у североамериканских индейцев, а тем, что здесь встречаются мотивы, характерные как для континентальной Евразии, так и для Южной Америки и Меланезии. Поскольку эти два полюса уравновешивают друг друга, 1-я ГК дает близкие к нулю математические индексы для отдельных традиций. Поэтому более показательны данные 2-й ГК, противопоставляющей Сибирь и Америку западным и юго-западным областям Евразии и Африке (рис. 5).

Распределение мотивов четвертой категории (их всего 200), связанной с интерпретацией небесных светил, напоминает таковое для второй группы, но в нем роль Европы более значительна, а роль Южной Америки – гораздо слабее (рис. 6, 7). В традициях населения экваториального пояса и Южного полушария данная группа мотивов мало представлена.

Интерпретация данных

Мировые тренды в распределении мотивов четырех описанных категорий выражены настолько ярко, что

случайный характер распределения исключен. Объяснить полученную картину можно в рамках функционального или исторического подхода. Выбирая первый, мы должны признать, что повышенный интерес к одним разделам мифологии и игнорирование других обусловлены зависимостью представлений от внешних факторов. Однако, судя по картам, ни с природными, ни с хозяйственными, ни с социополитическими обстоятельствами предпочтение одних разделов мифологии другим не коррелирует. Следовательно, исторический подход является основным, в рамках которого следует интерпретировать материал.

Мотивы, объясняющие смертную природу людей, – единственные в категории А, которые хорошо представлены в Африке на территории к югу от Сахары. Суть высказанной нами гипотезы, альтернатива которой пока не просматривается, состоит в том, что мифы о происхождении смерти появились самыми первыми – еще до того, как люди современного типа распространились по остальной ойкумене [Березкин, 2007а, 2013, с. 31–54; Березкин, Боринская, 2014; Васильев и др., 2015, с. 354–355]. Переселенцы из Африки принесли свою мифологию в Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию, а оттуда много позже – в Америку. Набор «смертных» мотивов в Центральной Азии отличается от представленного в Индо-Тихоокеанской зоне, но и здесь прослеживаются

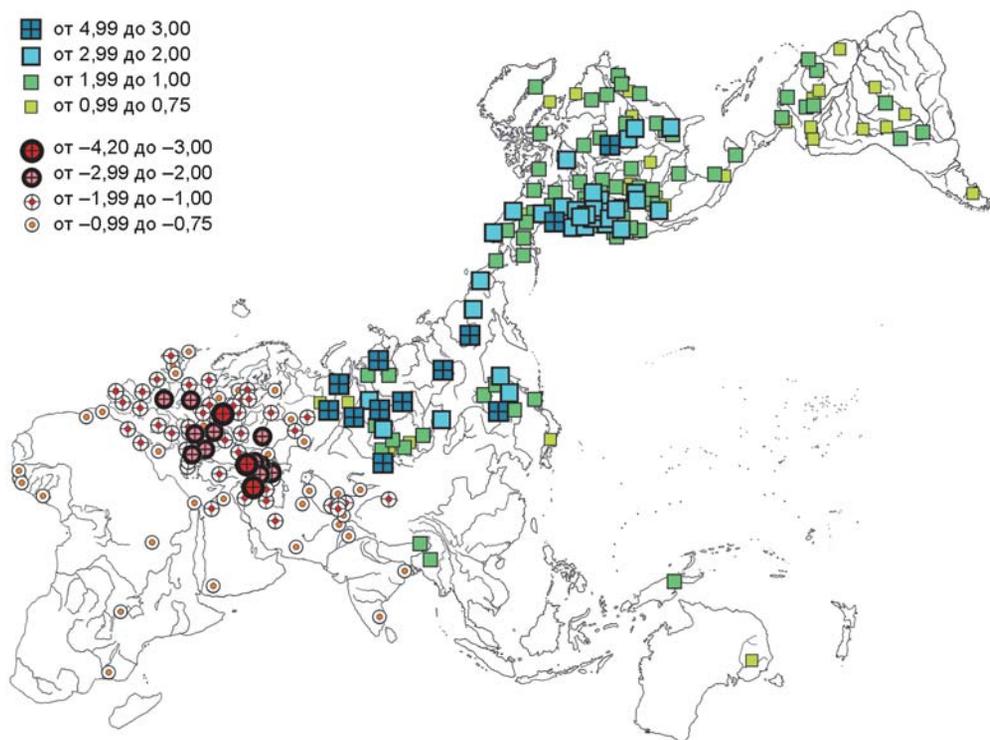


Рис. 5. Распределение 478 мотивов, связанных с представлениями о происхождении окружающего мира и его элементов, по 881 традиции. 2-я ГК. Доля дисперсии 3,93 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,74 до –0,74) не показаны.

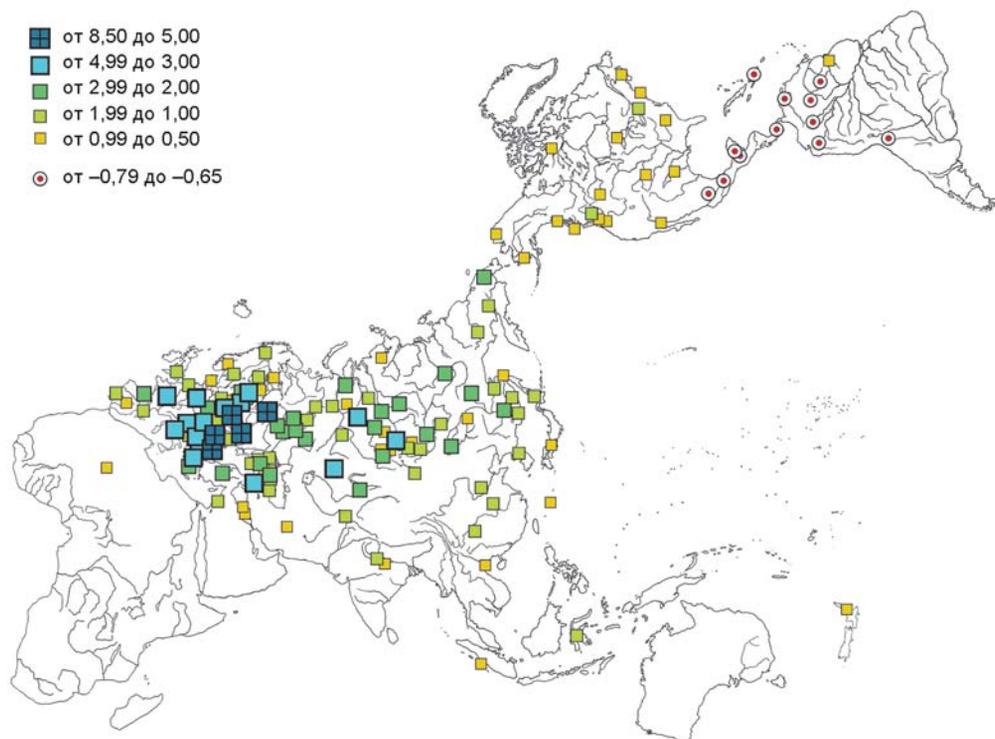


Рис. 6. Распределение 200 мотивов, связанных с интерпретацией небесных светил, по 815 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 5,49 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до $-0,65$) не показаны.

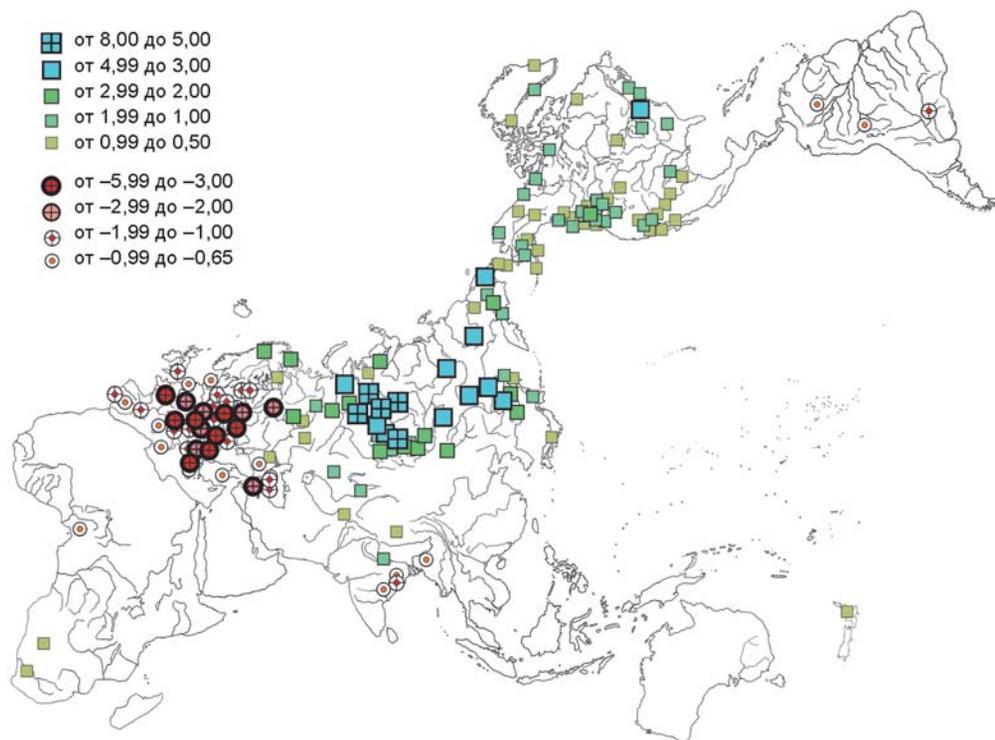


Рис. 7. Распределение 200 мотивов, связанных с интерпретацией небесных светил, по 815 традициям. 2-я ГК. Доля дисперсии 3,53 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до $-0,64$) не показаны.

отдельные африканские параллели. Малое разнообразие соответствующих мотивов в циркумарктической зоне можно объяснить эффектом «бутылочного горла». Как в первичном, так и в повторном (после ледникового максимума) освоении высоких широт участвовали, вероятно, немногочисленные и небольшие по составу группы людей, что должно было привести к случайной утрате одних сюжетов и росту популярности других.

Большее разнообразие и бóльшую популярность мотивов второй группы (происхождение человека, его анатомии, особенностей отношений между полами) в индо-тихоокеанском мире, по сравнению с континентальной Евразией, также вряд ли надо считать закономерным результатом воздействия каких-то мощных и долговременных факторов. Скорее всего, это опять-таки историческая случайность. Ничто не свидетельствует о том, что обитатели Сибири или Европы в повседневной жизни уделяли осмыслению данной сферы культуры меньше или больше внимания, чем индейцы или меланезийцы, да и как такое внимание вообще можно оценить количественно? Речь идет не об этнографии, а о фольклоре, который лишь опосредованно связан с другими сферами культуры. Поскольку многие конкретные мотивы данной группы в Азии на ее индо-тихоокеанской окраине и в Америке, особенно в Южной, одинаковы, можно предположить, что к западу и востоку от Тихого океана они возникли не самостоятельно и, возможно, появились в Азии до начала заселения Нового Света, скорее всего, ранее 15, а, может быть, и 20 тыс. л.н.

Бóльшая популярность мотивов данной группы в циркумтихоокеанском регионе и меньшая – в континентальной Евразии, а также различия в конкретных наборах мотивов есть прежде всего свидетельство продолжительной изоляции этих частей ойкумены друг от друга. Некоторые разделяющие их пустынные территории, особенно высокогорные, были освоены лишь с появлением производящего хозяйства [Chen et al., 2015]. Что касается территории к югу от Сахары на африканском континенте, то там разного рода истории про «странные браки», «странную анатомию» и т.п., а также подробно разработанные антропологические мифы, столь характерные для коренного населения Америки и Юго-Восточной Азии, вряд ли когда-либо имели широкое распространение.

Третья группа мотивов – та, которая касается космогонии, космологии и этиологии различных явлений и существ – стала, вероятно, формироваться одновременно со второй и первоначально, по-видимому, тоже на юге – в Южной и Юго-Восточной Азии. Ее проникновение на север, в Сибирь, откуда многие мотивы попали в Америку, можно сопоставить с восточно-евразийским континуумом генофонда, который выявили О.П. Балановский и его коллеги [Баланов-

ский, 2014, рис. 10, 3]. Что было в Северной Евразии раньше, какие мифологические образы могли существовать у обитателей Янской стоянки на территории Якутии или культур европейского палеолита, определить невозможно.

Самый яркий комплекс мотивов третьей группы, связывающий Индию, Сибирь и Северную Америку, касается мифа о ныряльщике за землей [Березкин, 2007б; Васильев и др., 2015, с. 371–379; Напольских, 1991]. Другой характерный пример – «спор о времени»: животные-первопредки определяют число единиц времени для определенных сезонов года или части суток [Васильев и др., 2015, с. 379–381]. Эта тема представлена в Индонезии, на северо-востоке Индии, в Южной Сибири, Северной Америке и Патагонии, причем сибирско-североамериканские и североамериканско-патагонские варианты детально похожи. Существует также обширный комплекс мотивов, касающихся появления полезных растений, который объединяет весь циркумтихоокеанский мир, но не включает континентальные районы Евразии. В тропической Африке, где примерно такие же, как в Амазонии и Меланезии, природные условия, преобладающие формы земледелия и уровень социальной сложности, ничего подобного нет. Данный комплекс мотивов должен был сформироваться до перехода к производящей экономике, а далее – как в Азии и Океании, так и в Америке – должен был быть независимо использован, чтобы объяснить появление культурных видов [Berezkin, 2015b, p. 59–60].

Четвертая группа мотивов, связанная с космогонией, – в основном продукт северо-евразийского культурогенеза. Из Сибири многие мотивы были перенесены в Северную Америку, но лишь немногие достигли Южной. В Австралии космогония тоже хорошо разработана, но там она иная по содержанию, а недостаток данных не позволяет обрисовать мотивные комплексы внутри самого австралийского континента. Некоторые сюжеты, связанные с осмыслением солнца и луны, возможно, зародились еще на африканской прародине. Интерпретация Млечного Пути как реки или змея, характерная главным образом для циркумтихоокеанского региона, могла быть известна самым первым мигрантам в Новый Свет [Березкин, 2017, с. 31–46]. Однако соединение звезд в созвездия, имеющие мифопоэтическое осмысление, и разнообразная интерпретация лунных пятен вряд ли получили большое распространение ранее завершающего периода заселения Америки, т.е. до 14–12 тыс. л.н. Богатство соответствующих представлений, характерное для Северной Америки, Сибири и Европы, намного превосходит все то, что известно для более южных регионов. Особенным разнообразием отличается космогония Европы, однако это результат достаточно позднего развития. Для европейской космо-

ними характерны реалии как минимум бронзового, если не железного века, многие варианты истолкования лунных пятен и Млечного Пути явно появились уже после распространения христианства.

Выводы

Анализ тенденций распространения мифологических мотивов позволяет получить информацию о разных эпохах. По глубине охвата эти данные сопоставимы с материалами археологии и генетики. Они проливают свет на эволюцию культуры за последние 15, а в отдельных случаях 30 и даже 60 тыс. лет. Если говорить об эпохальном тренде развития мифологии, то тема смертной природы человека была, по-видимому, осмыслена первой, во всяком случае ничего более раннего до нас не дошло. Напротив, интерпретация объектов ночного неба стала развиваться поздно и не везде. Не менее важен другой вывод. У развития мифологии, как и у эволюции в целом нет законов, если не считать общей тенденции к усложнению, элемент случайности очень велик. Различия между циркумтихоокеанскими и континентально-евразийскими мифологиями обусловлены тем, что контакты между соответствующими популяциями на протяжении многих тысячелетий были ограничены.

Оценка времени появления определенных особенностей мифологии основана на сравнении данных по Старому и Новому Свету, время заселения которого известно. Другим репером служит время выхода человека современного типа из Африки. О некоторых особенностях мифологии индо-тихоокеанской периферии Азии времени порядка 20 тыс. л.н. можно судить по соответствующим южно-американским параллелям, а о сибирских мифологиях финального плейстоцена – по параллелям с Северной Америкой.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03384). Благодарю за помощь участников проекта С.А. Боринскую, Е.Н. Дувакина и А.В. Рубановича.

Список литературы

Балановский О.П. Генетические данные о заселении Высоких широт // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 408–422.

Березкин Ю.Е. [Рецензия] // Этногр. обозр. – 2002. – № 6. – С. 172–177. – Рец. на кн.: Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. – Berkeley, Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2001. – 392 p.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этногр. обозр. – 2007а. – № 1. – С. 70–89.

Березкин Ю.Е. Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 4. – С. 110–123.

Березкин Ю.Е. Африка: миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 319 с.

Березкин Ю.Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. – 2015. – № 26. – С. 153–170.

Березкин Ю.Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. – СПб.: Музей антропол. и этногр. (Кунсткамера) РАН, 2017. – 316 с.

Березкин Ю.Е., Боринская С.А. О чем говорили наши далекие предки // Природа. – 2014. – № 12. – С. 48–54.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 680 с.

Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). – М.: Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. – 189 с.

Berezkin Yu. Spread of folklore motifs as a proxy for information exchange: contact zones and borderlines in Eurasia // Trames. A J. of Humanities and Social Sciences. – 2015a. – Vol. 19, N 1. – P. 3–13.

Berezkin Yu. Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // The Retrospect Methods Network Newsletter. – 2015b. – N 10. – P. 56–70.

Berezkin Yu., Duvakin E. Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop's fable // Folklore. – 2016. – Vol. 127, N 1. – P. 91–102.

Chen F.H., Dong G.H., Zhang D.J., Liu X.Y., Jia X., An C.B., Ma M.M., Xie Y.W., Barton L., Ren X.Y., Zhao Z.J., Wu X.H., Jones M.K. Agriculture facilitated permanent human occupation of the Tibetan Plateau after 3600 B.P. // Science. – 2015. – N 347 (6219). – P. 248–250.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. – Vol. 1. – 619 p.; Vol. 2. – 536 p.; Vol. 3. – 285 p.

*Материал поступил в редколлегию 10.06.16 г.,
в окончательном варианте – 12.07.16 г.*